

Доклад прочитан на международной конференции КРФО «Церковь и секуляризм: христианизация и секуляризм (к 1700-летию Миланского эдикта)», проходившей 22-23 сентября 2013 года в Киеве

Церковь является даром Божиим. Она не результат наших человеческих усилий, а наша *Alma mater*

, наша млекопитательница. Она преподает нам Христа. Богословие необходимо для того, чтобы сделать Церковь – то есть Церковь как опыт и как Традицию – значимой для нас. Богословие должно быть экклесиологичным, оно не может быть самоцелью, неким увлечением для интеллектуалов.

Церковь, по словам св. Иринея, "насаждена как рай в этом мире" (*Adv. Haer. V, 20, 2*), но мир этот падший. Более того, зачастую Церкви приходилось, да и сейчас приходится, существовать в обществе нехристианском или даже враждебном по отношению к христианству; или в обществе, если не враждебно настроенном к Церкви и христианству, то полностью секуляризированном. В секулярных обществах возникают вопросы, на которые Церковь должна давать ответы, если она хочет сохранять свою актуальность и обращаться к современному человеку. По сути, это даже не Церкви важно быть "значимой" для того чтобы выжить, потому что Христос пообещал быть с Ней до скончания века и "врата ада не одолеют Ее". Скорее, именно ради мира Церковь должна быть значимой, потому что Христос пришел спасти "этот мир". В этом задача богословия.

Секуляризм можно определить как мировидение, согласно которому Бог уже не занимает центральное место. Мир воспринимается как нечто-то нейтральное, существующее само по себе. Секуляризм не обязательно является синонимом атеизма. Скорее он основывается на том принципе, что Бог и мир отделены друг от друга. Секулярный человек, например, отвергает возможность чуда и не размышляет о наличии жизни после смерти. Секуляризм глубоко укоренился в западной культуре: религиозное искусство Ренессанса является своего рода секулярной формой религиозного искусства. Особенно начиная с эпохи Просвещения развитие науки и ее слишком оптимистичный взгляд на мир внесли значительный вклад в формирование этого мировоззрения.

Рассмотрение проблемы взаимоотношения богословия и науки я начну с вопроса о происхождении мира. Дискуссия между "эволюционистами" и "креационистами" особенно

популярна в Америке. С одной стороны, существуют креационисты, которые следуют букве Библии, истолковывая текст первых глав книги Бытия в буквальном смысле. А с другой стороны, существуют эволюционисты, принимающие тезис современной науки о том, что происхождение человека и возникновение мира стало результатом длительного процесса эволюции. Эту проблему зачастую упрощают и сужают до вопроса, нужно ли придерживаться буквы Библии. Но ключевым должно быть то, верит ли человек, что с самого начала он создан по образу и подобию Божию. Другими словами, задача богословия заключается именно в постановке правильных вопросов и определении реальных проблем. Богословие должно определять сущность веры и указывать на то, что является существенным в этой дискуссии. Ученые, вообще, способны при желании доказать, что с момента происхождения мира человеческое тело претерпевает некую эволюцию. Но богословие должно неукоснительно придерживаться веры Церкви в то, что Бог извечно имел особый план о человечестве и что человек отличается от всех других тварей. Существование человека является не какой-то случайностью, а частью извечного плана или «тайны» Бога. Святоотеческое богословие говорит о *божественных логосах*

(то есть о «божественных идеях», или «волениях») относительно творения. Св. Симеон Новый Богослов в своей молитве ко Святому Причащению писал: «несоделанное мое видесте очи Твои, в книзе же Твоей и еще не содеянная написана Тебе суть»..

□□□□ Богословие не должно бояться науки. Существует «богословие страха» – фундаментализм, отказывающийся от диалога с наукой. Этот подход ничем не отличается от секуляризма: оба считают науку и религию двумя совершенно разными мирами, зачастую находящимися в противоборстве по отношению друг ко другу. Но если Церковь желает быть значимой для мира, или лучше сказать, считает своей задачей «быть ради мира», она не может закрывать глаза на проблемы, поднимаемые современной наукой. Примером здесь служат святые отцы. В своих комментариях на первые главы книги Бытия, в «*Шестодневе*», святой Василий Кесарийский демонстрирует большое знание науки своего времени, то есть греческой философии. Он даже вплотную подходит к современной научной концепции «большого взрыва», когда говорит, что первые слова книги Бытия «в начале...», означают «мгновенно». Верно, что святитель Василий нередко критикует различные философские теории о происхождении мира, и что он стремится подчеркнуть, что творение является тайной. Но даже современной науке приходится признать в конечном счете, что существование земли и вселенной следует рассматривать как великую тайну. Поскольку, несмотря на все научные открытия, всегда будет существовать та грань, перед которой человеческому рассудку придется остановиться. Если даже созданию мира и предшествовал «большой взрыв», нужно будет задать вопрос: что тогда предшествовало этому «большому взрыву» или чем он был вызван и т.д.

Если рассматривать первую главу Бытия как стихотворение, цель которого показать красоту творения и место, занимаемое в нем человеком, а не представить точный

документальный отчет, мы сможем примирить библейское Откровение с современной наукой и признать определенную эволюцию в божественном плане творения (что не тождественно дарвинизму). Очевидно, что в данном случае Адам и Ева не должны рассматриваться в качестве исторических персонажей. Однако, если рассматривать Адама и Еву не как исторические персонажи, а как символы «человеческого рода» как такового, возникает непростой вопрос: в какой момент истории человечества в этом процессе эволюции началось падение человека и, как следствие, – смерть ...

В качестве вывода по этому вопросу скажу, что богословие здесь должно оставаться «апофатичным». Перед богословием стоит задача признать свои границы и стать способным осознать, что оно не может решить все вопросы. В этом есть Божественная тайна. Если бы все вопросы можно было решить рационально, вера потеряла бы свое значение... Достоевский очень сильно выразил эту мысль: «если бы математически доказали, что истина вне Христа, то я бы согласился лучше остаться со Христом, нежели с истиной». Задача богословия – взывать к нашему смирению. Григорий Нисский дал пример такого смирения, когда говорил о том, что человеческий ум не в состоянии полностью постигнуть Божественную природу, а, следовательно, не способен объяснить происхождение Сына и Духа Святого, «рождение» от Отца первого и «исхождение» от Отца последнего. Он остановился перед Божественной Тайной. В этом заключается основное отличие между *философией* и *богословием*: первая пребывает в контексте рациональных рассуждений, а последнее, не исключая употребления человеческого *ratio*, остается в конечном итоге "апофатичным"...

Еще одним примером проблематики, которая приводит нас к смиренному пониманию пределов богословия, является вопрос о том, как согласуется вера в Бога с существованием природных бедствий, а также связанных с ними человеческих страданий и, в частности, – страданий ни в чем неповинных людей. Природные бедствия, такие как землетрясения, можно объяснить с научной точки зрения. А каким должен быть ответ богословия в данном случае? Рациональным и простым ответом тут не обойтись, например, объясняя, что они являются результатом первородного греха, который имел последствия для всей вселенной, не только для человеческого рода, но для всей твари как таковой. И хотя на рациональном уровне такое объяснение можно признать удовлетворительным, для экзистенциального уровня этого недостаточно. Вспоминаются слова Ивана Карамазова, сказанные им своему брату Алеше: «От высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только того замученного ребенка». Человек всегда будет задавать вопрос, как может Бог допускать человеческие страдания, особенно страдания невинных, в частности, в тех случаях, если причиной страданий стали не грехи человека, а природные катаклизмы. И в этом вопросе богословие, в конечном итоге, должно прибегнуть к безмолвию и смирению, потому что мир не приемлет легких ответов в вопросах, касающихся глубинных смыслов существования человеческого рода.

Еще одним примером границ богословия является вопрос о смерти, в частности, о том, что с нами происходит после смерти. По этому поводу не существует официального учения Церкви. И никто не возвратился оттуда рассказать нам об этом, в том числе и Лазарь. Единственным ответом Церкви является радость Воскресения, соучастниками которого она делает своих детей. И этого достаточно. Мир просит объяснений или просто отвергает понятие о жизни после смерти. Имеется немало случаев "предсмертного опыта", которые могут и должны быть исследованы с научной точки зрения. Богословие не должно бояться научных исследований в этой сфере. Существуют книги православных богословов о «жизни после смерти». Согласно ним, душа человеческая, на которую нападают бесы, должна перенести ряд страданий. Но примечательно, что эти богословы забывают, что Христос все «наполнил светом» Своего Воскресения, даже царство смерти – ад. Христианин, и особенно православный христианин, следовательно, не должен бояться смерти. Что касается жизни души после смерти, единственным ответом должно быть молчание и вера. Богословы же, считающие возможным объяснять, что происходит с душой после смерти, выходят за пределы богословия.

В этом рассуждении о богословии и секуляризме я остановился на таких важных моментах:

Во-первых, богословие должно задавать правильные вопросы и верно формулировать проблемы, быть способным различать что «существенно», а что «не существенно».

Во-вторых, богословие не должно быть «богословием страха» и сужаться до фундаментализма в том, что касается Библии, отцов Церкви, канонов и т.д.

И в-третьих, богословие должно смиренно признавать свои пределы и в некоторых случаях хранить молчание.